

Как и ожидал Гу Янь, стоило Кэсс услышать о возможной сделке, как она заметно расслабилась.

— Ты что-то хочешь от меня? — Кэсс с трудом села, привалившись к стене, и вскинула голову, встречаясь взглядом с Гу Янем.

Гу Янь бесстрастно разглядывал её сверху вниз. Правая рука девушки была явно сломана, но других серьёзных ран он не заметил.

«А ей и вправду не везёт», — подумал он. В прошлом мире она получила ожоги и переломы половины тела, а в этом — снова лишилась дееспособности руки. И всё же в ней чувствовался стержень: перенося такую боль, она не кричала и даже не морщилась.

— Ты из спецслужб? — прямо спросил Гу Янь.

Кэсс опешила, приоткрыла рот, но так и не проронила ни слова.

— Ладно, неважно, я просто спросил, — Гу Янь вдруг поймал себя на мысли, что начинает понимать, почему Гу Сичэню так нравится вытягивать из людей правду. Наблюдать за микромимикой оказалось на удивление занятно. — Согласись на три моих условия, и я обещаю: ни в этом мире, ни в следующем я не трону тебя. Более того, я буду принимать решения в твою пользу. Прямо как сейчас.

— Хорошо, — у Кэсс просто не было иного выбора.

— Первое: Линь Чэнчжу убила ты, я здесь ни при чём.

— Да, его убила я. Ты просто проходил мимо... нет, ты вообще меня не видел.

— Второе: тот серебряный нож принадлежит тебе.

— Да, это моя вещь, я принесла его из своего мира.

— И третье...

Гу Янь быстро изложил оставшееся условие и, оставив Кэсс одну, поспешил прочь из лабиринта. Он чувствовал себя победителем: всего-то один добивающий удар, а в кармане уже три выполненных обещания. Однако в пылу азарта он напрочь позабыл об одной «маленькой» детали.

[Через 5 секунд вы войдёте в состояние возбуждения. Продолжительность: 12 часов]

Гу Янь замер.

«Господи, не ищи приключений на свою голову, говорили они... Как быстро забывается старая боль!»

Всего один удар, а в награду — двенадцатичасовой дебафф. Хотя, если подумать... обменять эти мучения на три условия... пожалуй, оно того стоило.

Но почему у всех остальных «состояние возбуждения» проявляется как прилив сил, а у него...

Гу Янь подавленно вздохнул. Возвращаться в столовую не хотелось. Он присел на ступеньку лестницы, ведущей со второго этажа на первый, обхватив колени руками. Оставалось только надеяться, что время «свободной активности» скоро закончится и он сможет запереться в своей комнате.

В этот раз, то ли благодаря прошлому опыту, то ли из-за готовности к худшему, Гу Янь чувствовал, что состояние не так сильно бьёт по рассудку. Да, было невыносимо стыдно, но внешне он вполне мог сохранять самообладание.

Поэтому, когда Цзян Лан спустился к нему, чтобы извиниться, Гу Янь ответил совершенно спокойно:

— За что ты просишь прощения?

— Я вёл себя слишком... напористо. Вернее, не слишком, а просто... грубо, — Цзян Лан не решился сесть рядом и примостился на пару ступенек выше, преданно заглядывая Гу Яню в спину. — У нас, наоборот, строгая иерархия. Она держится на силе и авторитете. Альфы могут творить с теми, кто ниже их по рангу... очень плохие вещи. Поэтому мы обязаны быть жёсткими, иначе нас самих загрызут. Но мама говорила: когда ищешь пару, нельзя вести себя так, будто отвоёвываешь место вожака. Нужно уметь склонять голову. У меня нет в этом опыта, так что... прости меня. Пожалуйста, дай мне ещё один шанс, я буду вести себя тише воды и не коснусь тебя без разрешения.

Гу Янь, разумеется, не собирался давать ему никаких шансов. Однако его не на шутку заинтересовали подробности волчьего уклада.

«Альфы могут творить с омегами нехорошие вещи? Что именно?»

Движимый любопытством, он не стал отвечать на просьбу, а спросил:

— А какой ранг у тебя?

— Ну... как бы сказать... у меня ещё не было гона, так что я пока считаюсь подопечным волчонком. Но мои родители — Альфы, а право на потомство есть только у них. Так что, когда я вырасту, я обязательно стану Альфой. Думаю, года через два.

«Думает?»

Гу Янь предположил, что зрелость у оборотней определяется не возрастом, а временем наступления первого гона.

Цзян Лану сейчас четырнадцать, через два года будет шестнадцать. Выходит, созревание обычно наступает именно в этом возрасте.

«Какая любопытная раса. Похоже, концепция Альф, Бет и Омег пошла именно отсюда».

Если Альфа — вожак, то должны быть Беты-помощники и угнетаемые Омеги. И те самые «плохие вещи», о которых упоминал парень, наверняка связаны с...

«Нет, стоп. Нельзя об этом думать. В моём нынешнем состоянии такие мысли доведут до беды».

— Мне нужно в дамскую комнату, — Гу Янь с трудом поднялся на ноги и, не дожидаясь ответа, почти бегом бросился к туалетам на первом этаже.

Цзян Лан остался сидеть на лестнице, озадаченно чеша в затылке.

Неужели он опять ляпнул что-то не то? И главное — простила его сестрица А-Янь или нет?

Гу Янь заперся в кабинке, но это ничуть не помогло. Состояние должно было продлиться двенадцать часов, и простым усилием воли его было не унять. Пристроившись на крышке унитаза, он немного перевёл дух. Убедившись, что Цзян Лан не пошёл следом и поблизости никого нет, юноша решил выплеснуть всё накопившееся раздражение на Главного Бога.

— Слышишь, Главный Бог! Тебе нравится играть жизнями грешников? Так иди и разрушь Изнанку мира, если ты такой всемогущий!

— Даже те, кто попал сюда случайно, несут на себе клеймо вины. Но в чём виноват я?! Почему я должен проходить через этот ад?!

— Что толку в твоём божественном величии? Кто дал тебе право судить других?!

— Если я грешник, то как насчёт тех, кто когда-то столкнул меня в бездну? Их вина куда

чернее моей! Почему же они продолжают жить в достатке и покое?!

— Это несправедливо! Если Бог действительно существует, пусть он сотрёт всю Тьму с лица земли!

Гу Янь прокричал всё это в пустоту кафельных стен, и ему действительно стало капельку легче. Но в следующую секунду прямо в его голове раздался голос:

[Ты ведь чего-то не понимаешь, верно?]

Гу Янь подскочил, едва не ударившись головой, и прижался спиной к двери, испуганно озираясь. В кабинке он был совершенно один. Он не чувствовал чужой ауры.

«Это был... Главный Бог?»

[То, что ты так заиклен на понятии «вины», не доказывает ли, что ты сам виновен?] — снова прозвучал голос.

[Даже если когда-то ты был чист, осмелишься ли ты сказать, что чист сейчас?]

[Посмотри на цвет своей души.]

Гу Янь долго стоял неподвижно, не смея шелохнуться. Лишь когда он окончательно убедился, что Бог больше не заговорит, он медленно опустился обратно на крышку унитаза.

«Цвет души...»

Он активировал Духовное зрение и бросил взгляд на своё отражение. Чёрного пламени стало заметно больше. Впрочем, ничего другого он и не ожидал.

Закрыв глаза, он прокрутил в голове слова Главного Бога.

«Зациклен на вине»... Но если не на вине, то на чём ему фокусироваться? Разве они все здесь не ради искупления?

«Постой, кажется, нет. Что там говорил вчера Гу Сичэнь?»

Потому что не верят в собственную смерть? Потому что у них есть причина жить дальше?

Но в его памяти не было ни одного кадра, связанного со смертью. Как он может поверить в то,

чего не помнит?

Гу Янь тяжело вздохнул, поднялся и привёл в порядок одежду. Он попытался напустить на себя невозмутимый вид, чтобы выйти наружу как ни в чём не бывало, но стоило ему переступить порог туалета, как он услышал знакомый голос.

— А ты, как я погляжу, совсем не человек.

Голос был певучим, насмешливым и до боли знакомым.

Гу Янь резко обернулся и увидел её серо-зелёные глаза.

Перед ним стояла ведьма Бейкелиань. Рыжеволосая красавица замерла у входа, и Гу Янь готов был поклясться: он не чувствовал её приближения.

— Я-то думала, ты там рыдаешь, а оказывается — нет, — она с нескрываемым интересом принялась разглядывать его лицо, даже не осознавая, насколько опасным может быть такой интерес. — Я заметила тебя ещё в прошлом мире. Тогда-то и поняла, что в тебе нет ничего человеческого. И дело не в моей проницательности, просто ты слишком красив для смертного.

Гу Янь застыл в оцепенении. В голове лихорадочно проносились мысли: «Успею ли я сейчас разыграть истерику? Поверит ли она, что я просто хрупкая пустышка, сошедшая с ума от ужаса?»

Однако ведьма не дала ему шанса на игру.

— Уж прости, что подслушала твои излияния. Не веришь, что я не специально? Я просто волновалась, не случилось ли чего, вот и решила проверить.

Гу Янь судорожно вспоминал свои слова. Кажется, ничего критического он не выдал, кроме того, что он не человек и его прошлое было... неоднозначным. Но если верить Бейкелиань, она раскусила его ещё раньше? Тогда... это полбеда.

— Ты только не бойся, я не собираюсь разбалтывать твои секреты, — она примирительно улыбнулась, опережая его возражения. — По правде говоря, я просто чувствую исходящие от тебя волны опасности. Не знаю, что это, но от того мужчины в белом костюме, кажется, его зовут Еянь, веет тем же самым.

— И ещё... мне очень любопытно, что ты имела в виду под «Серыми» и «Чёрными». Вы так делите людей, иных и полукровок?

— А этот Цзян Лан... от него несёт зверем, а не человеком. Он ведь тоже один из ваших?

Бейкелиань сыпала вопросами один за другим, явно не на шутку заинтересовавшись Гу Янем. Видя это, юноша начал понемногу приходить в себя. Было очевидно: ведьма не желает ему зла, ею движет лишь чистое любопытство.

В этот момент он внезапно понял, почему вчерашний Гу Сичэнь показался ему безумцем. Гу Янь знал, насколько он опасен для смертного, но сам Сичэнь об этом и не догадывался. Прямо как сейчас: он знал, что может оборвать жизнь Бейкелиань в любую секунду, но она стояла рядом и беззаботно улыбалась.

Люди всегда тянутся к опасности. Но знают ли они цену своего любопытства?

— Хватит... Не спрашивай меня ни о чём! Я человек! — Гу Янь в притворном ужасе попятился, и он мгновенно прослезился. — Тебе всё послышалось... Я ничего не говорил!

— Ох... прости, я не хотела тебя пугать. Правда, — Бейкелиань нерешительно протянула к нему руку. Помедлив секунду и убедившись, что он не отстраняется, она коснулась его щеки, осторожно смахивая слезу. — У меня с рождения обострённое чутьё. Мне достаточно одного взгляда, чтобы понять, кто передо мной — друг или враг. Ты хороший человек. И мне плевать, человек ты вообще или нет, я никогда не причиню тебе вреда.

«Я хороший?»

Гу Янь вспомнил, как чернеет его душа, и окончательно запутался в том, где пролегает граница между добром и злом.

Странно, но в тот момент, когда ведьма коснулась его, Гу Яню показалось, что бушующее в нём пламя «возбуждения» немного утихло. Боль и стыд отступили, сменяясь странным спокойствием.

— Я чувствую, как тебе сейчас плохо. Расслабься, я помогу тебе, — прошептала Бейкелиань и, притянув его к себе, обвила руками его шею.

На мгновение Гу Янь почувствовал неладное, но магия — или какая-то иная сила ведьмы — была настолько умиротворяющей, что он не стал сопротивляться.

Однако вскоре всё изменилось.

Бейкелиань плотно прижалась к нему. Сначала она коснулась его шеи мимолётным поцелуем, затем с силой прильнула к ключице, и Гу Янь услышал её прерывистое дыхание.

Гу Янь замер.

«Что происходит?»

Он и представить не мог, что однажды, находясь в женском обличье, станет объектом сексуального домогательства со стороны другой женщины. Ситуация была настолько абсурдной, что в неё трудно было поверить.

Придя в себя, он оттолкнул Бейкелиань и отпрянул. Теперь его испуг был настоящим:

— Ты... тебе нравятся женщины?!

Или она всё-таки поняла, кто он на самом деле?

Бейкелиань смотрела на него затуманенным взглядом. Она явно была не в себе. Кончиком языка она медленно облизала губы.

— Не понимаю... я чувствую твоё желание. Тебя чем-то опоили? Дай мне помочь тебе... Я хочу этого. Умоляю, позволь мне!

Гу Янь едва не закричал.

«Спасите! На помощь! Здесь женщина-маньяк!»

<http://bllate.org/book/17528/1696017>